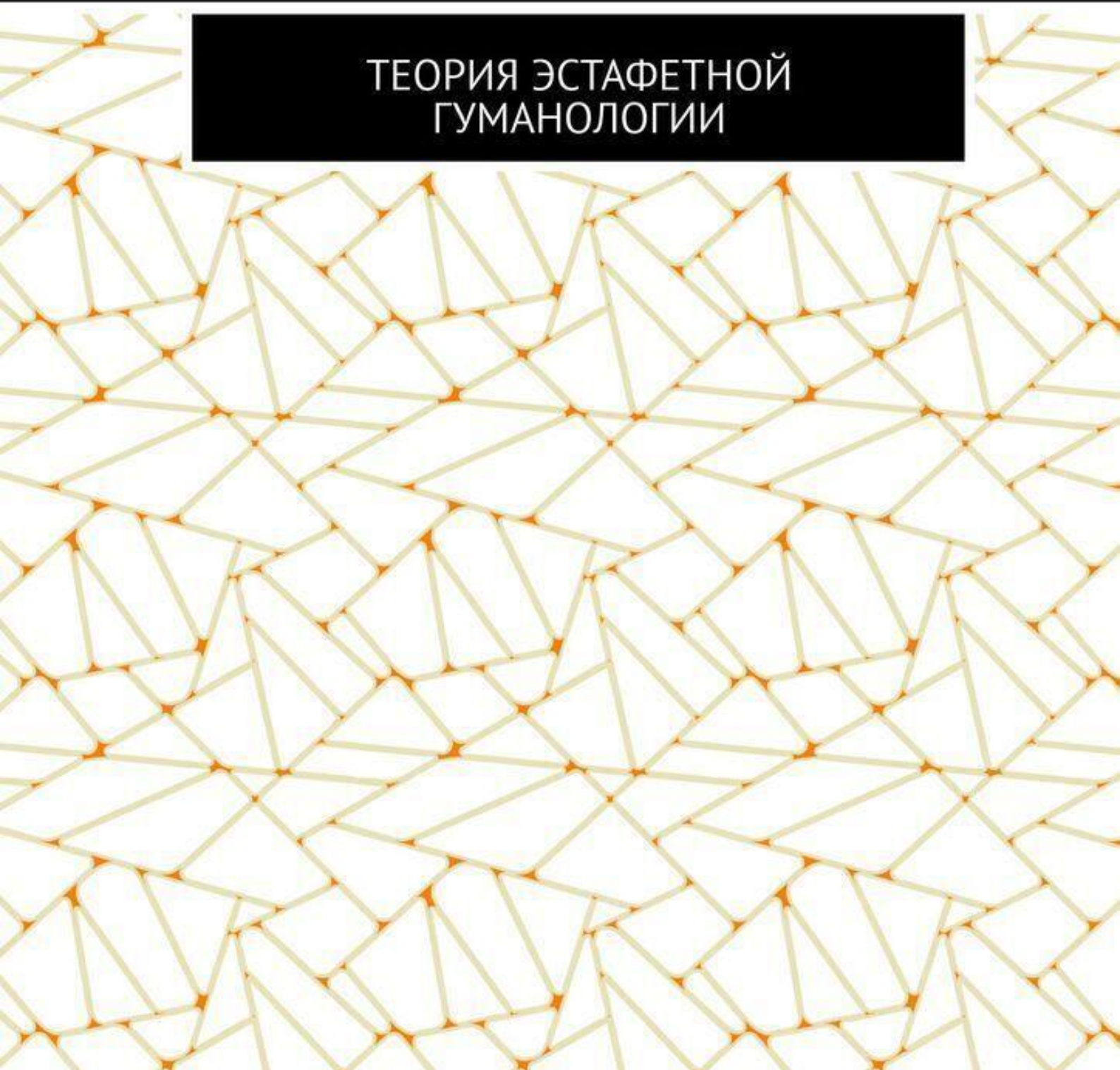

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

Человек на грани

ТЕОРИЯ ЭСТАФЕТНОЙ
ГУМАНОЛОГИИ

Исабек АШИМОВ

**Человек на грани. Теория
эстафетной гуманологии**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Человек на грани. Теория эстафетной гуманологии /
И. Ашимов — «Издательские решения»,

Книга посвящена философскому исследованию эстафетной трансформации человека в эпоху ИИ. В центре анализа находится авторская теория эстафетной гуманологии, рассматривающая сохранение, передачу и преобразование человеческого содержания в условиях технологического изменения субъекта. Исследование построено вокруг трёх взаимосвязанных авторских концепций: распределённой субъектности; антропотехносубъекта; создания нового субъекта. Рассматривается переход биовида в техновид.

© Ашимов И.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
ЭСТАФЕТА ЧЕЛОВЕКА: СУБЪЕКТНОСТЬ НА ГРАНИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	8
Часть I. КОНЦЕПЦИЯ РАСПРЕДЕЛЁННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ВЫХОД СОЗНАНИЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО МОЗГА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Человек на грани Теория эстафетной гуманологии

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2026

ISBN 978-5-0071-0659-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Мы вступаем в исторический период, когда вопрос о будущем человека перестаёт быть вопросом исключительно научной фантастики. Ведь человек сейчас находится на границе собственного тотального преобразования. Искусственный интеллект, нейроинтерфейсы, цифровые двойники, внешняя память, алгоритмические системы принятия решений и другие технологические формы постепенно становятся частью человеческой когнитивной среды. Однако главный вопрос заключается уже не в том, что технология может сделать для человека, а в том, что происходит с самим человеком в результате длительного взаимодействия с технологией.

Именно этот вопрос лежит в основании настоящей книги. В её основе находится идея эстафетной гуманологии — теперь уже философской теории, рассматривающей сохранение, передачу и преобразование человеческого в процессе исторической и технологической трансформации. В отличие от представления о человеке как о неизменном биологическом существе, здесь человек рассматривается как субъект становления, способный передавать последующим поколениям не только жизнь, но и память, знания, культуру, ценности, ответственность, способы мышления и способность производить смысл.

Однако технологическая эпоха создаёт новую ситуацию. То, что прежде передавалось преимущественно от человека к человеку, всё чаще передаётся через технические системы. Память становится внешней, вычисление — машинным, анализ — алгоритмическим, прогнозирование — автоматизированным, а принятие решений — совместным. Возникает новая цепочка: человек → технология → ИИ → изменённый человек → новый субъект. Отсюда возникает проблема субъектности.

Если часть человеческих когнитивных функций выходит за пределы биологического мозга, возникает распределённая когниция. Если эта внешняя когнитивная инфраструктура становится устойчивой частью человеческого мышления, возникает новая структура субъектности. В книге для обозначения одного из вариантов такой структуры используется концепт экзокортекса — внешней когнитивной инфраструктуры, связывающей мозг, интерфейс, ИИ, внешнюю память, алгоритмическую обработку и совместное принятие решений. Но распределение когнитивных функций — лишь первый этап.

Следующий вопрос состоит в том, что происходит, когда технология перестаёт быть только инструментом и начинает участвовать в изменении самого человека. Здесь возникает концепция антропотехносубъекта. Человек создаёт технологию, технология изменяет человека, изменённый человек создаёт новый ИИ, а новый ИИ начинает участвовать в дальнейшем изменении человека. Возникает рекурсивная, ко-эволюционная эстафета: человек и созданная им интеллектуальная система начинают взаимно преобразовывать друг друга.

Третий шаг является наиболее радикальным. Если субъектность действительно изменяется, возникает вопрос: может ли вследствие этой трансформации возникнуть новый субъект? Так появляется проблема перехода от биовида к техновиду. В книге этот переход не рассматривается как мгновенная замена человека машиной. Напротив, предлагается модель постепенной эстафеты: биологический человек передаёт технологии отдельные функции — память, вычисление, коммуникацию, анализ, принятие решений, моделирование сознания. Поэтому возможный техновид возникает не в результате одномоментного события, а как результат накопления последовательных изменений.

Именно поэтому важнейшим понятием книги становится антропологический предел. Проблема состоит не в том, насколько далеко человек способен технически изменить себя. Она заключается в другом: на каком этапе изменение человека перестаёт быть его усилением и становится изменением самого субъекта? Если человек сохраняет субъектность, авторство, автономию и ответственность, технологическая трансформация может оставаться продолже-

нием человеческого. Если же оптимизация начинает устранять условия субъектности, возникает риск перехода от «субъекта» к «технообъекту».

В указанном контексте книга не является ни апологией технологий, ни их отрицанием. Её задача иная — обнаружить скрытую логику перехода. Именно поэтому применяется принцип накопительного эффекта. Каждая отдельная технологическая операция может выглядеть рациональной и полезной: ИИ помогает принимать решения, хранит память, прогнозирует, оптимизирует. Но совокупность этих изменений способна привести к качественному изменению самого субъекта.

Настоящая книга представляет собой попытку рассмотреть этот процесс в трёх последовательных измерениях. Первая часть отвечает на вопрос: где находится субъект? Вторая — на вопрос: как субъект изменяется во взаимодействии с технологией? Третья — на вопрос: какой новый субъект может возникнуть вследствие этой трансформации? Так формируется единая траектория: распределение субъектности → антропотехносубъект → новый субъект. А над этой траекторией располагается эстафетная гуманология как попытка понять, что именно передаётся через все эти преобразования и при каких условиях новое состояние может оставаться продолжением человеческого.

В контексте сказанного выше, предлагаемая книга — не столько книга о будущем, сколько книга о настоящем, которое уже начинает становиться будущим. Её основной вопрос можно сформулировать предельно просто: если человек постепенно передаёт технологии всё больше функций собственного существования, то что именно он должен сохранить, чтобы продолжать оставаться человеком? Ответ на этот вопрос оставляется не только автору. К нему приглашается читатель.

ЭСТАФЕТА ЧЕЛОВЕКА: СУБЪЕКТНОСТЬ НА ГРАНИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (Вместо введения)

Все очевиднее становится тот факт, что будущий субъект «человек + ИИ» не будет ни человеком, усиленным машиной, ни самостоятельным искусственным субъектом. Такое заключение нами делается на основании научного открытия «Закономерная связь между технологическими и гуманитарными предосторожностями» (Закон Ашимова-Сагымбаева) (2026). Согласно нашей теории субъект «человек + ИИ» сформируется как распределённый субъект — временная система, в которой человеческое сознание, память, намерение и способность к ценностному выбору соединяются с ИИ, обеспечивающим вычислительную, аналитическую и прогностическую функции.

Каков ключевой тезис выдвигаемых нами концепций под общим названием «концепции распределенной субъектности и субъекта»? В нашей монографии «Научное открытие — 2.0» (2026) изложены основные положения эстафетной гуманологии: от биогуманологии к техногуманологии, а также трансформации человека: от биовида к техновиду, утверждающие о том, что субъект будущего будет определяться не тем, где находится сознание, а тем, где находится центр ответственности. В трансформации человека огромную роль играет триада: Ni-Tech — Ni-Hume — Н-МК.

Наша научная идея «Триадный синтез научно-мировоззренческой культуры» (2017), а также научное открытие «Закономерность формирования и изменение состояния научно-мировоззренческой культуры (Теория Ашимова) (2018) утверждает, что новое знание проходит путь: от науки → к обществу → к понятиям → к философии → к новой гуманологической модели, а затем сформированная философская модель становится исходным материалом для следующего этапа исследования. Поэтому возникает цикл: знание → осмысление → концепт → философская теория → новая практика → новое знание.

Если Ni-Tech — создаёт технологические изменения, то Н-МК делает их предметом научного, мировоззренческого и философского освоения. Если Ni-Hume оценивает их гуманитарные последствия и определяет условия сохранения человеческого, то Н-МК выполняет функцию переходного механизма от технологического знания к гуманитарному пониманию, благодаря чему связка Ni-Tech + Ni-Hume может работать как целостная система.

Мы выделили 5 стадий постепенной трансформации человека и, соответственно, уровней распределения субъекта.

Первая. Переход от индивидуального субъекта к распределённому. Как известно, классическая модель предполагает: субъект = человек → сознание → решение → действие → ответственность. Однако, согласно нашей концепции в системе «человек + ИИ» возникает иная цепочка: человек → ИИ → совместное решение → действие → распределённая ответственность. ИИ постепенно перестаёт быть внешним инструментом. Он становится частью когнитивной архитектуры человека: хранит память, моделирует варианты, обнаруживает закономерности, предлагает решения и даже способен участвовать в формировании мировоззренческих предпочтений. Отсюда возникает новая философская проблема: если решение возникло в результате взаимодействия двух интеллектуальных систем, кому принадлежит субъектность этого решения?

Вторая. Формирование гипотезы «двойного субъекта». Согласно нашей концепции на транзитном этапе возникает не единый субъект, а двойной субъект: во-первых, человек — носитель ценностей и конечной ответственности, а, во-вторых, ИИ — носитель расширенной когнитивной способности. При этом граница между ними постепенно становится менее опре-

делённой. Человек начинает мыслить через ИИ, а ИИ начинает функционировать через человеческие цели. Отсюда возникает отношение: человек → ИИ → человек, где человек — уже не исходный человек, а человек, изменённый постоянным взаимодействием с искусственным интеллектом. Между тем, это и есть форма незамечаемой трансформации субъекта.

Третья. Манифестация философского предела. Здесь появляется принципиальная граница. Пока человек способен сказать: «ИИ предложил, но решение принял я», человеческая субъектность сохраняется. Но если возникает ситуация: «Я принял решение, потому что ИИ сформировал пространство возможных решений, оценил их и фактически определил предпочтительный вариант», центр субъектности начинает смещаться. Следовательно, предел человеческой субъектности проходит не по линии использования ИИ, а по линии зависимости человеческого решения от ИИ.

Четвертая. Появление новой формулы ответственности. Мы предлагаем новую формулу: Субъектность = способность выбирать + способность отказаться + способность отвечать. Логика в том, что если человек сохраняет возможность отказаться от рекомендации ИИ и принимает последствия решения на себя, он остаётся субъектом. Но если же возможность отказа постепенно исчезает, возникает делегированная субъектность. Ну, а если человек уже не способен отличить собственное решение от решения, сформированного ИИ, появляется новый феномен: субъект без полного авторства. Это, на наш взгляд, одна из наиболее важных философских проблем будущего.

Пятая. Становление «эстафетного субъекта». Согласно нашей концепции эстафетной гуманологии, можно предположить дальнейший переход: биологический субъект → человек + ИИ → распределённый субъект → техносубъект. ИИ в таком случае не просто заменяет отдельные функции человека, а принимает участие в эстафете субъектности. Человек передаёт ИИ часть памяти, анализа, прогнозирования и принятия решений. ИИ возвращает человеку расширенные когнитивные возможности. Человек, в свою очередь, изменяется под воздействием этих возможностей. Получается замкнутый цикл: человек → ИИ → изменённый человек → новый ИИ → новый человек. На наш взгляд, это уже не простое взаимодействие человека с машиной, а ко-эволюция двух типов интеллектуальности.

В чем заключается главный философский вывод? Из нашей теории следует принципиальное положение: Будущее человека определяется не вопросом «заменит ли ИИ человека?», а вопросом «какая часть человеческой субъектности может быть передана ИИ без утраты самого человека как субъекта?». Именно здесь соединяются философия предела, эстафетная гуманология, проблема цифрового двойника и концепция незамечаемой трансформации. Мы назвали свою теоретическую конструкцию «теорией эстафетной гуманологии». Она утверждает, что человек не исчезает мгновенно, а постепенно передаёт отдельные функции субъектности искусственному интеллекту, пока сама граница между «моим» и «машинным» мышлением не становится философски проблематичной.

Как известно, любая научная теория — это не просто набор фактов, а строгая система знаний. Однако, в отличие от естественнонаучных теорий философские опираются на разные мыслительные подходы, масштабные системы идей, которые объясняют устройство мира, природу человека и смысл познания. Тем не менее в структурном плане, как конкретные, так и абстрактные теории состоят из ядра, положений, принципов, аксиом, теорем, законов. Ядро теории составляют фундаментальные допущения, идеализированные объекты и базовые категории, объединенные в понятийный аппарат на чем строится язык теории. Принципы, аксиомы, законы, положения являются исходными руководящими правилами и постулатами, вытекающие из ядра и задающие вектор мышления. Это фундаментальное утверждение о свойствах объекта и связях между понятиями, которые выводятся логическим путем. Наконец, следствия и выводы как конкретные предсказания, объяснения частных фактов, практические рекомен-

дации или новые философские смыслы, объясняющие или предсказывающие новые, еще неизвестные факты.

Возможно, читатели, ознакомившись с нашей теорией посчитают, что выдвигаемые нами теорию следует рассматривать не как установленный факт, а как предлагаемую философскую модель возможного перехода. То есть гипотезу, которую еще предстоит доказать и принять как эмпирически доказанную теорию возникновения нового вида — техновида. Возможно, но в нашей теории доказательства и все необходимые элементы теории (идеи, ядро, принципы, основные положения, аксиомы и закона, обобщенные в виде концепции) присутствуют. Философские теории нефальсифицируемы, ибо, ибо предметом и объектом исследования философии является мир *в целом* и место человека в нем. В процессе обоснования нашей теории мы сравнивали основные положения нашей теории с главными типами философских теорий: 1) Материализм: утверждает, что материя первична, а сознание — лишь продукт ее развития (Маркс, Демокрит); 2) Идеализм: считает основой мира дух, разум или сознание, а природу — их порождением (Платон, Гегель); 3) Дуализм: признает материю и дух двумя независимыми, равноправными началами (Декарт); 4) Рационализм: заявляет, что главным источником и критерием истинного знания является разум (Спиноза, Лейбниц); 5) Эмпиризм: доказывает, что всё знание человек получает исключительно из чувственного опыта (Локк, Бэкон); 5) Экзистенциализм: ставит в центр теорию о поиске человеком смысла жизни, свободы и своей судьбы (Сартр, Камю).

В данную монографию мы включили собственные книги из серии «Человек в эпоху ИИ». Серия включает 12 избранных научных трудов, изданных в рамках деятельности Виртуального Института Человека (ВИЧ) при Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР): 1) «Философия незамеченной трансформации»; 2) «Философия трансформации человека: от биовида к техновиду»; 3) „Философия тихого конца и начала нового человека“. Кстати, ВИЧ учрежден мною в целях: во-первых, создания условий для онлайн-консолидации исследователей феномена „Человек“ и гуманитарных проблем современности», а, во-вторых, способствования социализации новых научно-гуманитарных идей и их популяризации.

Основанием для создания ВИЧ является то, что центральной проблемой наших дней является кризис диалога двух культур — естественно-научной и гуманитарной. Суть проблемы заключается в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с научно-техническим прогрессом, которого сами же развивают. Следовательно, источник кризиса лежат внутри, а не вне человека. Вот почему, ядром всех проблем современности является проблема человека. В этой связи, углубленная проработка проблем гуманизма и научной рациональности на сегодня является сверхактуальной задачей человечества.

В данной монографии использованы три исследовательских метода — анализ, синтез, комментарии. Причем, анализ и синтез в кантовском их понимании: анализ — как прояснения; синтез — как расширения знания. Что касается комментариев, то это метод интерпретации, позволяющий автору выйти за границы комментируемого, то есть обеспечивающий реальную невозможность пересечения этих границ. Согласно наивной трактовки: анализ — это суждение, предикат которого либо дублирует, либо проясняет содержание субъекта; синтез — это суждение, предикат которого увеличивает, расширяет содержание субъекта; комментарии — это обеспечение повторяемости смысла суждения.

Согласно критической трактовке: анализ — это реальное разложение целого на части, разрушающее отношения между ними, а синтез — это реальное восстановление этих отношений. Соответственно, мысленный анализ есть мысленное разложение целого на части, а мысленный синтез — мысленное восстановление отношений между ними. С точки зрения обобщенной теории анализа и синтеза: предмет анализа — это части целого; предмет синтеза — те отношения между ними, которые образуют структуру целого. Следовательно, «часть целого» — это «носитель отношения», а «отношение между частями целого» — это «отноше-

ние вообще». Но различив эти две процедуры, мы оказываемся перед новыми вопросами: как они связаны с акцентами проблем? Каковы позиции автора в понимании и разрешении проблем? Вот тут и возникает необходимость в комментировании, как одного из методов научной верификации: во-первых, согласование характеристик выделенных частей, а также согласование обобщений их в единое целое, а, во-вторых, позиционирование освещаемых проблем, а также позиционирование хода авторской мысли.

По словарю С.И.Ожегова, «комментарий» имеет два значения: 1) Объяснение, толкование к какому-нибудь тексту; 2) Рассуждения, пояснения и критические замечания о чем-нибудь. По сути, комментарий — это перевод произведения с языка автора на тот язык, который комментатор считает релевантным для своей аудитории. В целях выравнивания фоновых знаний (автора и адресата), автором комментариев могут быть и сами авторы произведений. Основные намерения комментария, как оценочно-императивного жанра, направлены на выражение своего мнения, своего отношения, своих оценок. На наш взгляд, существенной особенностью комментариев является их полемичность, так как автор комментария апеллирует к мнению читателя. Вот почему нами выбран особый формат книг, когда изложения логики, мысли и тенденции четко рубрифицированы, что, как нам кажется, дает возможность адресатам вносить уже свои фиксированные комментарии, а также дополнить список новыми именами ученых. При этом, комментируя автора, они, с одной стороны, не только реагируют на содержание авторского комментирования, с которым они не всегда согласны, но и выявляют логические нестыковки в них, а с другой стороны, восстанавливают справедливость в цитировании дополнительных исследователей.

Как известно, любая логико-философская гипотеза или теория — понятие весьма абстрактное, неопределенное, непостоянное, поскольку одна и та же идея, гипотеза, теория может восприниматься разными учеными по-разному. Между тем, индивидуальное восприятие теории, ее текста, стиля мышления и личностные черты ученого влияют на количество и качество своих сторонников. В этом аспекте, особым типом вычленения истины является развернутый логико-философский анализ и комментарий, который представляет собой текст, отличный от других видов комментария и демонстрирующий взаимодействие двух разных текстов — философского и научно-структурированного текста, скажем, идеи, гипотезы, теории.

Так или иначе, одним из самых непростых этапов оценки научного текста является логико-философский анализ и комментарий рассматриваемых проблем, сущности анализируемой теории — «Теории эстафетной гуманологии». Нужно отметить, что это не просто анализ-синтез, но и мнение комментирующего ученого по поводу прочитанного, это грамотные его логико-философские рассуждения о затрагиваемых проблемах, его замечания и размышления по существу проблем, идей, гипотез и теорий. По комментарию можно сделать вывод о том, как нужно понимать: во-первых, саму проблему и сущность самой теории; во-вторых, траекторию авторской мысли по ходу выдвижения идеи, гипотезы и теории; в-третьих, механизмы и прогнозную линию реализации проблемы, а также теории.

Как известно, комментарии делятся на два вида: 1) Текстуальный (речь идет о кратком пересказе текста с акцентированием проблем: в какой из смысловых частей текста автор формулирует проблему? На чем конкретно автор делает акцент при обращении к проблеме? Какие факты и события затрагиваются? Как автор аргументирует свою позицию? Как он выражает свое отношение к рассматриваемой проблеме? 2) Концептуальный (следует найти ответы на более глобальные вопросы: как, рассматриваемая проблема связана с автором произведения и почему привлекла его внимание? Является ли проблема актуальной и насколько она значима для социума? Часто ли вы сталкиваетесь с такой проблемой?).

Нужно отметить, что логико-философский анализ и комментарий — это всегда концептуальные, по сути. Так или иначе важно понимание того, что мало просто логически проанализировать и прокомментировать новые знания, категории и понятия, что нужно написать

размышления об их смысле и прогнозных последствиях, которую еще нужно правильно донести читателям, чтобы они поняли их суть. Нужно изложить и то, в каких фразах и деталях текста прослеживаются авторские мысли, что пытается подчеркнуть автор, рассматривая эту проблему, к каким умозаключениям он подводит своего читателя. Безусловно, при написании логико-философского комментария нужно опираться на контекст, связывать свои формулировки с авторской позицией, отразить ход мыслей и позицию автора и приводить примеры из текста, возможно цитирование.

Хайдеггер М. (2003) считает, что логико-философский комментарий («разъяснение», «толкование») — это диалог философского мышления (разъясняющий) и научного творчества (неясного). Ведь не всегда текст теории признается самодостаточным для ориентации смысла. В этом плане, для философского комментария характерно оперирование с текстом научной теории как с единым понятием, что позволяет отказаться от пословной интерпретации. Важно понимание того, что философ дешифрует невольно закодированный авторский текст, моделируя категории и понятия именем феномена, опознаваемой как философская мысль. То есть задача философа — это конструкция сущности теории как объекта мысли. Это дает возможность философу в ходе дальнейшего текста пользоваться: 1) Семантическим комплексом «Гипотезы «двойного субъекта»; идейной базой и стратегии самой проблемы «Человек в эпоху ИИ»; 2) Концепцией «Теория распределенной субъектности», как уже существующих, а также выдвигаемых на суд ученых и философов новых номинаций.

Логико-философский комментарий, как и любой философский текст, инкорпорируя научный текст, стремится избавиться от роли метатекста. Авторы маркируют новые категории и понятия кавычками, однако в процессе логико-философского комментария происходит постепенное «раскавычивание» их. Так как логико-философский комментарий не ставит задачей полное декодирование научного текста и создает параллельный, равноположенный текст, философам необязательно выходить за рамки отдельного феномена или категории и обращаться к научному творчеству ученого в целом. Научный текст, положенный в основу текста логико-философского комментария, неизбежно будет интерпретироваться, то есть последует более или менее длительный ряд других комментариев, таким образом, он более открыт для новых комментариев. В целом, логико-философский комментарий к научному тексту представляет собой самостоятельный философский текст, обладающий всеми его типологическими характеристиками.

Хотелось бы отметить, что для логико-философского анализа и комментариев академическое поле явно ограничивает горизонты размышления и интервалы абстракции. У важнейших философских вопросов нет окончательных ответов, как нет и «правильных позиций», а потому остается лишь выдвигать аргументы в пользу той или иной гипотезы или теорий, которые, на твой взгляд, ближе всего к истине. Много лет занимаясь вопросами феномена «Человек» постепенно пришлось сменить манеру написания логико-философского письма. Почему-то мне показалось, что легче самому выстраивать логико-философские модели, чем разбираться в таких же выкладках других ученых-философов. Вот-так постепенно отказался от строгого математизированного мышления, в пользу более контингентному, более текучему, более расплывчатому стилю изложения своих мыслей. В этом аспекте, примечательно то, что философия старается разрешить досаждающую ей проблему тремя способами: 1) Либо вынося отдельные вещи за скобки своего рассмотрения; 2) Либо приравнивая их к классам; 3) Либо опровергая саму себя. Возможно, мы не достигли ни того, ни другого, но важен сам путь и траектория философского размышления на уровне метатекста.

В отношении интервала абстракции. Насколько мы — люди, как логические устройства, не учитываем себя, наше позиционирование, настолько же мы подчиняем внешнюю действительность операциям ума — силе воображения. В этом аспекте, логико-философский комментарий предотвращает случайность дискурса тем, что принимает ее в расчет: он позволяет

высказать нечто иное, чем сам комментируемый предмет, но лишь при условии, что будет сказано и в некотором роде осуществлен сам этот текст. Вот-так работа написана и теперь остается лишь наблюдать, куда вынесет их мнение соответствующего научного сообщества.

Нужно понимание того, что любая теория в конце концов, зависит: от рамок исследований; от смысла и значения общественного контекста, укорененными в разуме; от субъект действия, включенного в само понятие действия; от доводов, не являющихся причинами в научном их понимании; от моральных императивов, не имеющих никакой внутренней силы; от моральных обязательств, носящих частный характер и зависящих от обстоятельств; от языка моральных обязательств, с которым сталкиваемся не только в публичной сфере, но и в нашем личном дискурсе, которые носит по большей части характер риторический и манипулятивный; от сколько-нибудь широкого консенсуса о том, что есть истина, что обществе недостижима.

В данной книге мы применили принцип накопительного эффекта. Каждый фрагмент (Часть I — Концепция распределенной субъектности; Часть II — Концепция антропотехно-субъект; Часть III — Концепция создания нового субъекта), по сути, представляет отдельные, но последовательные технологические шаги, показывая вначале то, что они могут выглядеть рациональным и полезным: ИИ помогает принимать решения, хранит память, прогнозирует, оптимизирует деятельность. Но... совокупность таких шагов способна привести к качественному изменению самого субъекта. То есть произойдет необратимая трансформация сущности самого человека. И здесь появляются новые вызовы и угрозы, здесь кроются риски и опасности. В этом аспекте, из понимания необходимости глубокого понимания, философского уровня осмысления предотвращения рисков и угроз, приглашаем читателей к со-размышлению.

Часть I. КОНЦЕПЦИЯ РАСПРЕДЕЛЁННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ВЫХОД СОЗНАНИЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО МОЗГА

В книге «Философия незамеченной трансформации» (2026) понятие «незамечаемая трансформация» имеет вполне определенное философское содержание. Мы понимаем под ней процесс постепенного изменения онтологического статуса человека, который происходит без осознания самого факта происходящей антропологической перемены. При этом человек постепенно утрачивает субъектность — способность оставаться источником смысла, ответственности и экзистенциального выбора.

Мы выделяем два основных измерения этого процесса: 1) Изменение онтологического статуса человека — человек начинает переходить от состояния биологического субъекта к иной, технологически организованной форме существования; 2) Редукция сознания — сознание постепенно трактуется как функция, ресурс или информационная структура, а ответственность распределяется между алгоритмами, техническими системами и инфраструктурами.

Почему эти процессы остаются «незамечаемыми»? Ключевой момент нашей концепции заключается в том, что ни один отдельный этап не воспринимается как катастрофа. Напротив, каждый шаг имеет рациональное оправдание: борьба со смертью; продление жизни; оптимизация человеческого организма; расширение когнитивных возможностей; нейроинтерфейсы; компьютерное протезирование; эзокортекс; системы «мозг + ИИ»; виртуализация; цифровые двойники; стремление к технологическому бессмертию. Именно поэтому, согласно нашей концепции, трансформация становится незаметной: человек воспринимает отдельные изменения как улучшение себя, тогда как их совокупный результат может означать изменение самого человеческого способа бытия.

На наш взгляд, философскую формулу можно выразить следующим образом: технологическое улучшение → функциональная оптимизация → делегация человеческих функций → изменение субъектности → изменение онтологического статуса → исчезновение человека как меры самого себя. Важно то, что незаметность является не побочным обстоятельством, а условием успешности трансформации.

Согласно нашей «Концепции распределенной субъектности», человеческое сохраняется не путем переноса биологического или цифрового носителя, а через передачу смыслов, ответственности и пределов. Поэтому трансфер сознания мы рассматриваем не как спасение человека, а как возможный признак утраты самой идеи человеческой преемственности. Отсюда можно вывести краткую формулу: «Незамечаемая трансформация — это исчезновение человека не в результате одномоментной катастрофы, а посредством последовательного технологического изменения его природы, которое воспринимается как прогресс».

Сказанное выше является одним из центральных концептов теории эстафетной гуманологии и, судя по его связям с трансфером сознания, постчеловеком, техновидом, философией предела и эстафетной гуманологией, является потенциально узловым концептом всей авторской серии «Человек в эпоху ИИ». В контексте монографии «Философия незамеченной трансформации» трансфер сознания и конец биочеловека» эзокортекс — это, по сути, авторский концепт, обозначающий внешнюю когнитивную надстройку над биологическим мозгом, которая возникает в результате объединения человека с цифровыми и искусственными интеллектуальными системами. Мы напрямую связываем его с моделью «мозг + ИИ». В эту надстройку входят нейроинтерфейсы, ассистивный ИИ, внешняя память и алгоритмы поддержки принятия решений.

Проще говоря, если обычная кора головного мозга является внутренней системой обработки информации, то эзокортекс в авторской концепции — это вынесенная за пределы биологического мозга когнитивная инфраструктура: мозг → интерфейс → ИИ → внешняя память → алгоритмическая обработка → совместное принятие решений. Поэтому эзокортекс — это не просто компьютерный помощник, а потенциально новый уровень организации человеческой когнитивной деятельности.

В чем заключается философское их значение? Ответ: в том, что именно здесь появляется принципиальная проблема: где заканчивается человек и начинается техническая система. Если ИИ: хранит значительную часть памяти; анализирует информацию; прогнозирует последствия; участвует в принятии решений; корректирует деятельность мозга, то возникает вопрос о границе человеческой субъектности. Именно поэтому в книге эзокортекс рассматривается как промежуточная форма трансфера сознания — еще не полное перенесение сознания в искусственную среду, но уже выход части когнитивных функций за пределы биологического мозга.

В указанном выше контексте, в чем заключается связь эзокортекса с «незамечаемой трансформацией»? Как известно, эзокортекс занимает важное место в общей концептуальной цепочке: биологический мозг → расширенный мозг → мозг + ИИ → распределенная когнитивная → изменение субъектности → трансформация человека. Поэтому для философии важно зафиксировать: «Эзокортекс — авторский концепт внешней когнитивной надстройки над биологическим мозгом, объединяющей нейроинтерфейсы, ИИ, внешнюю память и алгоритмические средства принятия решений и представляющей промежуточную стадию перехода от биологического человека к технологически расширенному субъекту».

При этом важно то, что эзокортекс в данном определении следует считать именно авторским концептом книги, а не устоявшимся научным термином. В контексте понятия «антропологический предел» — это не просто граница технических возможностей человека, а это критическая граница, за которой изменение человеческой природы, сознания или способа существования становится настолько глубоким, что возникает вопрос: остаётся ли преобразуемое существо человеком.

В книге вышеприведенная проблема формулируется через соотношение технологического превосходства и антропологического исчезновения: техническое усиление человека может одновременно стать процессом утраты его субъектности. Поэтому антропологический предел можно представить так: человек → технологическое усиление → трансформация → критическая граница → постчеловек / техновид. Сам предел находится не там, где технология становится слишком сложной, а там, где изменяются фундаментальные характеристики человеческого бытия.

Вероятно, всех интересует вопрос — что именно может быть утрачено? В логике нашей системы к таким характеристикам относятся следующие категории: 1) Субъектность — человек перестает быть источником собственного действия; 2) Автономия — существенная часть решений передается внешним системам; 3) Ответственность — становится неясно, кто является субъектом решения; 4) Телесность — биологическое тело перестает быть необходимым носителем человеческого существования; 5) Экзистенциальная непрерывность — возникает разрыв между человеком и его цифровым продолжением; 6) Смертность — рассматривается как технически устранимое ограничение; 7) Способность самостоятельно производить смысл. Именно поэтому мы связываем философию предела с проблемой антропологической безопасности.

Однако, почему это именно «антропологический» предел? Наш ответ — потому что речь идет не о пределах технологии, а о пределах допустимой трансформации человека. Например, очки расширяют зрение, протез заменяет конечность, имплант поддерживает функцию органа. Это само по себе не означает пересечения антропологического предела. Однако, когда техническая система начинает: хранить память + формировать решения + управлять поведе-

нием + определять цели + замещать субъекта, то возникает уже принципиально иной философский вопрос: человек использует технологию или технология начинает определять человека?

Указанные выше вопросы напрямую относятся к философии предела, которая становится самостоятельной концептуальной конструкцией. Ее задача — заранее определить критические точки, за которыми технологическая трансформация может привести к утрате человеческого статуса. Отсюда можно сформулировать нашу рабочую дефиницию: Антропологический предел — критическая граница технологической и биологической трансформации, за которой изменение человеческого тела, сознания, субъектности и способа существования может привести к качественной смене антропологического статуса человека.

Итак, имеет место тесная взаимосвязь элементов антропологического предела: антропологическая безопасность; незамечаемая трансформация; трансфер сознания; эзокортекс; пост-человек; техновид, отражающие противопоставление «технологическому оптимизму» в целях сохранения «человеческой субъектности». Таким образом, «антропологический предел» является одним из узловых координат нашей философской концепции, позволяющий системе оценивать любую новую технологию не только по критерию эффективности, но и по вопросу «что происходит с человеком вследствие этой технологии?».

В рамках системы теория эстафетной гуманологии определяется как концепция сохранения и продолжения человеческого через передачу от поколения к поколению не только биологической жизни, но прежде всего человеческих смыслов, ценностей, памяти, ответственности и способности производить смысл. В книге она противопоставляется идее технологического «переноса» человека: сохранить человека — не значит скопировать его сознание или перенести информационную структуру в иной носитель.

Но в чем все же заключается основная логика противопоставления? Наша конструкция может быть представлена так: человек → поколение → передача человеческого содержания → преемственность → сохранение человечности. При этом эстафета предполагает не механическое копирование прошлого, а передачу с преобразованием. Следующее поколение получает человеческое наследие, переосмысливает его и передает дальше. Поэтому эстафетная гуманология соединяет три процесса: 1) Сохранение, то есть не утратить фундаментальные характеристики человеческого; 2) Передачу, то есть обеспечить межпоколенческую преемственность; 3) Преобразование, то есть позволить человеку изменяться, не переходя антропологический предел.

Если говорить об эстафетной гуманологии и техноэстафете, то здесь возникает одно из центральных противопоставлений: если эстафетная гуманология передает человеческое содержание, то техноэстафета передает технологические, информационные и алгоритмические структуры. Причем, мы утверждаем о том, что если второй механизм вытесняет первый, человечество может продолжить существование технически, но утратить себя антропологически. В этом контексте, эстафетная гуманология выступает не только как теория преемственности, но и как механизм сохранения антропологической идентичности.

На наш взгляд, вышеуказанный механизм можно представить следующим образом: эстафетная гуманология → передача человеческого → антропологическая преемственность → антропологический предел → сохранение субъекта. Отсюда и следует рабочее определение: Эстафетная гуманология — наша философская концепция, рассматривающая сохранение и развитие человечества как процесс межпоколенческой передачи человеческих смыслов, ценностей, памяти, ответственности и субъектности при одновременном преобразовании их содержания и соблюдении антропологического предела технологической трансформации.

Итак, в контексте книги «Философия незамеченной трансформации» понятие «техноэстафета» обозначает возможный исторический переход от передачи человеческого содержания между поколениями к передаче технологических, информационных, алгоритмических и искусственных форм существования. Иными словами, речь идет не просто о передаче техно-

логий. Это авторская философская модель изменения самого механизма исторической преемственности.

Но что значит исходная эстафета? Традиционная человеческая эстафета выглядит так: человек → поколение → передача опыта, языка, культуры, памяти, ценностей → следующее поколение. В этой модели технология является инструментом передачи человеческого. Теперь, что означает возникновение техноэстафеты? При техноэстафете происходит обратное смещение: человек → технология → алгоритм → искусственная система → последующая технологическая система. То есть объектом преемственности постепенно становится уже не только человеческое содержание, а сама технологическая инфраструктура.

Кстати, в книге это противопоставление выражено через различие между «гуманистической эстафетой» и «техноэстафетой». Мы связываем последнюю с передачей технологических и информационных структур, способных постепенно вытеснять традиционную передачу человеческого. И какая же возникает философская проблема? На наш взгляд, проблема заключается не в технологии как таковой, а в том, когда технология перестает быть средством сохранения человека и становится субъектом исторического продолжения. Тогда возможна следующая цепочка: технологическое расширение человека → делегация когнитивных функций → зависимость от ИИ → перенос памяти и решений во внешние системы → цифровизация личности → передача технологической структуры вместо человеческого содержания.

Как нам кажется, именно здесь техноэстафета пересекается с концепциями эзокортекса, трансфера сознания, цифрового двойника и постчеловека. В книге мы заостряем внимание на взаимосвязь техноэстафеты и трансфера сознания. Если сознание трактуется как информационная структура, которую можно скопировать и перенести, возникает новая форма «преемственности»: биочеловек → цифровая копия → цифровая система → новая цифровая копия. В таком случае продолжается уже не обязательно человек, а информационно-технологическая конструкция, созданная на основе человека. Поэтому техноэстафета в нашей системе связана с риском того, что историческая преемственность сохранится, но ее субъект изменится.

В чем же заключается отличие техноэстафеты от эстафетной гуманологии? Здесь нужно четко представить себе факт возникновения фундаментальной оппозиции: Эстафетная гуманология передать следующему поколению человеческое и позволить ему преобразовать это человеческое, тогда как техноэстафета передать следующей системе технологическую, информационную или алгоритмическую структуру, которая может уже не нуждаться в человеческом носителе. Поэтому проблема, как нам кажется, заключается не в выборе между «человеком» и «технологией», а в вопросе: что именно должно переходить из поколения в поколение, чтобы преемственность оставалась человеческой?

Наш ответ таков на вышеприведенный вопрос звучит так: Техноэстафета — авторская философская концепция исторической преемственности, при которой объектом передачи между поколениями и/или технологическими системами постепенно становятся информационные, алгоритмические и технические структуры, способные заместить традиционную передачу человеческих смыслов, ценностей, памяти и субъектности. В семантическом плане важно отметить утрату субъектности, утрату человеческого содержания и пересечение антропологического предела.

Таким образом, «техноэстафета» — это один из ключевых концептов перехода от философии. Мы относим его к узловым концептам второго порядка, поскольку он связывает сразу несколько крупных блоков: трансфер сознания, технологическую трансформацию, эстафетную гуманологию и антропологический предел.

В книге «Философия незамеченной трансформации» проблема трансфера сознания рассматривается прежде всего в аспекте очевидности утраты человеческой онтологии в результате редукции сознания к функции. Здесь рассматривается переход от философского мысленного эксперимента к представлению о трансфере как инженерной задаче. С другой стороны, транс-

фер сознания — это и возникновение цифрового двойника как псевдоличности и иллюзии бессмертия как культурный наркотик». В этом аспекте, нами проанализированы и проблемы цифровой копии, тождества личности, а также иллюзии бессмертия.

Важно отметить, что эзокортекс и интерфейс «мозг + ИИ» являются, по сути, промежуточными формами трансфера сознания. Здесь трансфер рассматривается уже как постепенная экстернализация функций сознания — памяти, внимания, принятия решений и саморефлексии. Эзокортекс же определяется как своеобразный «мягкий трансфер», при котором функции сознания частично выходят за пределы биологического мозга, хотя биологический субъект еще сохраняется. Вот почему в книге нами прописаны связанные узлы: эзокортекс → мягкий трансфер; цифровой двойник → псевдоличность; эстафетная гуманология → трансфер / эстафета → утрата человеческой онтологии.

Таким образом, эзокортекс определяется как внешняя когнитивная надстройка над биологическим мозгом, связанная с нейроинтерфейсами, ИИ, внешней памятью и алгоритмической поддержкой принятия решений. То есть эзокортекс не является самостоятельной темой, оторванной от трансфера сознания. В авторской логике он выступает переходным звеном между биологическим мозгом и возможным полным технологическим трансфером сознания. Промежуточная форма трансфера сознания — это → мозг + ИИ → нейроинтерфейс → внешняя память → распределенная когниция → трансфер сознания → антропологический предел.

Как это заметно, здесь впервые последовательно формулируется исходный принцип: предел необходим не для остановки развития, а для сохранения человеческого в процессе технологической трансформации. Именно здесь «философия предела» оформляется как самостоятельная доктрина, направленная на выявление критических точек, за которыми технологическое изменение человека может привести к изменению его антропологического статуса. В книге впервые формулируется принципиальная задача: определить границу между технологическим усилением человека и его антропологической заменой.

Какова логика теоретического конструкта? В книге она выглядит следующим образом: Технологическая трансформация → Расширение человека → Критическая граница → Антропологический предел. Нужно подчеркнуть, что проблема гибридизации человека и ИИ связана не с одной нашей книгой, а с целым кластером произведений, вошедшим в трехтомники: 1) «Нейрофилософия» — один из основных теоретических источников проблемы «мозг + ИИ», нейроинтерфейсов и экзокортекса. Там экзокортекс рассматривается как внешнее когнитивное расширение мозга и распределённая когнитивная среда; 2) «Киберфилософия» — непосредственно посвящена искусственному интеллекту и кибернетической биовласти и связана с более широким философским осмыслением искусственного интеллекта, кибернетизации и изменения положения человека в технологической среде;

Проблемам интерфейса «мозг + ИИ» посвящены и ряд наших научно-фантастических романов: 1) «Биокомпьютер» в котором тема гибридизации получает художественное моделирование. Автор прямо указывает, что экзокортекс представлен как нейросетевой «надмозг», формирующий зависимость субъекта от внешней когнитивной инфраструктуры; 2) «Биовзлом» непосредственно связан с концепцией экзокортекса и отношением человек + техническая когнитивная система. Здесь экзокортекс выступает как внешнее когнитивное расширение, создающее риск зависимости человека от технологической инфраструктуры; 3) «Пересотворить человека», где проблема приобретает антропологическое измерение: экзокортекс рассматривается как своего рода технологический «костыль мышления», который может постепенно превращать человека в интерфейс между алгоритмами и биологическим телом; 4) «Фиаско» представлена предельная стадия гибридизации. Здесь показан момент, когда внешняя когнитивная среда начинает замещать субъектность, а человек превращается в «транзистор смыслов».

Монография «Философия незамеченной трансформации» — это уже систематизирующий философский источник. Именно здесь прежние разработки объединяются в концептуальную цепочку: нейроинтерфейс → эзокортекс → «мозг + ИИ» → мягкий трансфер сознания → изменение субъектности → антропологический предел. При этом книга рассматривает гибридизацию неоднозначно: допускается технологическое расширение человека при сохранении субъективного ядра, но предупреждается о постепенном переходе от помощи → к зависимости → к делегированию → к управлению.

Таким образом, «Нейрофилософия» и «Киберфилософия» — это теоретический фундамент, а романы — это пространство философского моделирования и мысленного эксперимента, тогда как монография «Философия незамеченной трансформации» — работа, в которой эти линии сводятся в единую концептуальную конструкцию.

Важно подчеркнуть, что в авторской концепции связь трансфера сознания и утраты субъекта является причинно-следственной и занимает центральное место в философской системе автора, который рассматривает трансфер не как нейтральное технологическое продолжение человека, а как процесс, который при определенных предпосылках пошагово ведёт к онтологической деконструкции субъекта:

Первый шаг — функциональная редукция сознания. Чтобы сознание стало «переносимым», его сначала необходимо представить как совокупность функций: память → обработка информации → принятие решений → поведенческие реакции. При таком подходе сознание превращается в нечто подобное программной архитектуре, потенциально отделимой от конкретного биологического носителя. Мы полагаем, что это является исходной предпосылкой трансфера. Но важно понять, что одновременно из понятия сознания вытесняются телесность, переживание, аффективность, смертность и экзистенциальная укорененность.

Второй шаг — цифровизация личности. То есть представление личности как информационной структуры: биография → данные → модель поведения → алгоритмическая реконструкция личности. Отсюда возникает цифровой двойник. Он может обладать памятью, привычками и стилем мышления исходного человека, но, согласно авторской концепции, не обладает его экзистенциальной непрерывностью и ответственностью. В этом контексте, нами вводится принцип: «Функциональная идентичность» ≠ «онтологическая субъектность».

Третий шаг — исчезновение субъекта. Субъект для нас — это не просто набор когнитивных функций, а предполагает: внутреннюю точку переживания; самоотнесение; телесную укоренённость; свободу; ответственность; историческую и экзистенциальную непрерывность. В модели трансфера эти характеристики либо невозможно воспроизвести, либо они объявляются вторичными. Поэтому, по авторской логике, сохраняется структура, но исчезает человек как субъект.

Четвёртый шаг — распределение субъекта между человеком и ИИ. На наш взгляд, особенно показателен промежуточный вариант — архитектура «человек + ИИ». Если память, анализ, прогнозирование и принятие решений постепенно выносятся во внешние системы, сознание становится распределённым процессом. Тогда уже невозможно четко определить вклад самого субъекта в принятое решение. Мы попытались сформировать следствие: ответственность рассеивается, а свобода подменяется оптимизацией. Как нам кажется, это связывает трансфер сознания непосредственно с ранее рассмотренным нами концептом эзокортекса.

Итак, в системе получается следующая цепочка: функциональная редукция сознания → оцифровка личности → создание цифрового двойника → экстернализация когнитивных функций → распределение сознания между человеком и ИИ → рассеивание ответственности → утрата экзистенциальной непрерывности → утрата субъекта. На наш взгляд, эта цепочка прямо характеризует трансфер как переход «от человека как экзистенциального субъекта к человеку как проектируемой системе».

В нашей теории смертность и моральная ответственность связаны через конечность человеческого существования. Смертность здесь выступает не только биологическим ограничением, но и условием формирования ответственности: 1) Смертность создаёт экзистенциальную конечность. Человек знает, что его существование ограничено. Поэтому его действия приобретают необратимость и значимость: время нельзя бесконечно отложить, а последствия решений не могут быть полностью отменены. Отсюда: конечность жизни → значимость выбора → ответственность за выбор. Так или иначе смертность имеет антропологическую и этическую функцию. Естественно возникает вопрос: почему устранение смертности может изменить мораль? На наш взгляд, проблема возникает, когда бессмертие начинает рассматриваться как технически устранимая проблема. Если человек перестает воспринимать жизнь как конечное существование, изменяется сама структура отношения: к времени; к выбору; к последствиям; к другим поколениям; к собственной ответственности.

В вышеуказанном контексте, логично критически рассматривать идею технологического бессмертия: устранение смертности может устранить не только страдание и страх смерти, но и часть условий, при которых формируется человеческая ответственность. В книге эта проблема связана с критикой «иллюзии бессмертия».

2) Смертность связывает человека с поколениями. Здесь возникает непосредственная связь с эстафетной гуманологией. Именно конечность отдельной человеческой жизни делает необходимой передачу: опыта → памяти → культуры → ценностей → ответственности, следующему поколению. Человек не может существовать вечно как индивидуальный носитель всего человеческого содержания, поэтому он передаёт эстафету другим. Получается: смертность → необходимость преемственности → эстафета → сохранение человеческого. Именно поэтому мы противопоставляем человеческую эстафету потенциальной техноэстафете.

3) Смертность и субъектность. Если сознание рассматривается как функция, которую можно перенести на другой носитель, возникает предположение: если информационная структура продолжилась, то продолжился и человек. Мы ставим это под сомнение. Цифровое продолжение информации ≠ продолжение экзистенциального субъекта. На наш взгляд, смертность здесь выполняет роль своеобразного онтологического маркера индивидуальности: человек существует как конечное, телесное, исторически расположенное существо, а не как абстрактная информационная структура.

Итоговая схема выглядит следующим образом: смертность → конечность человеческого существования → ограниченность времени → необратимость выбора → ответственность → передача опыта следующему поколению → эстафетная гуманология. При этом есть и параллельная проблемная ветвь как попытка устранить смертность → технологическое бессмертие → разрыв с конечностью → изменение отношения к выбору → риск изменения структуры ответственности → антропологический предел.

Таким образом, смертность является одним из оснований моральной ответственности: конечность человеческого существования придаёт выбору необратимость, а действиям — этическую значимость. Поэтому технологическое устранение смертности способно изменить не только продолжительность жизни, но и саму антропологическую структуру ответственности. Это связывает в единую семантическую цепь сразу несколько центральных концептов Вашей системы: смертность → конечность → выбор → ответственность → преемственность → эстафетная гуманология → антропологический предел.

В нашей концепции эзокортекс непосредственно связан с распределённой когницией: он является механизмом, посредством которого часть когнитивных функций человека выносятся за пределы биологического мозга и распределяется между мозгом, нейроинтерфейсами, внешней памятью, ИИ и алгоритмическими системами.

Но что происходит с когницией? Как известно, исходная модель: мозг → мышление → решение, тогда как при появлении эзокортекса: мозг ↔ интерфейс ↔ внешняя память ↔ ИИ

↔ алгоритмы → решение. То есть мыслительный процесс уже не локализуется исключительно внутри биологического субъекта. В тексте это прямо определяется как «сдвиг от внутренней к распределённой когниции». При этом некоторые функции выносятся наружу. Прежде всего, речь идет о следующих функциях: запоминание — внешние базы памяти; анализ — ИИ-ассистенты; прогнозирование — предиктивные алгоритмы; выбор и принятие решений — алгоритмические системы поддержки решений.

Таким образом, эзокортекс не просто расширяет мозг, а постепенно становится частью самой когнитивной архитектуры человека. На наш взгляд, с точки зрения философии важен переход: внутренняя когниция → распределённая когниция → гибридная когнитивная система. Человек уже не является единственным местом, где происходит мышление. Он становится когнитивным узлом в гибридной системе «человек + технология». В авторском тексте это связывается с постепенным формированием зависимости от внешней когнитивной инфраструктуры. Именно поэтому эзокортекс рассматривается как «прото-трансфер»: функции сознания начинают «эмигрировать» во внешнюю систему, хотя сам биологический субъект пока сохраняется.

Естественно, многих интересует вопрос: где возникает проблема субъектности? Ключевой момент — это делегация когнитивных функций. Пока ИИ помогает человеку: человек → использует инструмент. Когда значительная часть памяти, анализа и выбора передается внешней системе: человек + ИИ → совместно формируют решение. Тогда возникает вопрос: Кто является субъектом мысли и решения — человек, ИИ или их гибридная система? В книге это обозначено как онтологическая неопределённость интерфейса «мозг + ИИ»: решения принимаются совместно, но ответственность оказывается неопределённой.

Касательно связи с антропологическим пределом. Распределённая когниция сама по себе не объявляется антропологической катастрофой. Критической она становится тогда, когда внешняя система перестает быть инструментом и начинает замещать субъекта. Мы определяем этот порог как антропологический предел интерфейса: интерфейс превращается из средства расширения возможностей в заместителя субъекта, затрагивая его идентичность, волю, ответственность и экзистенциальное усилие.

Итак, возникает семантическая связь следующего образца: Эзокортекс → вынесение когнитивных функций наружу → распределённая когниция → гибридная система «мозг + ИИ» → когнитивная делегация → размывание границы «моя мысль / подсказка системы» → онтологическая неопределённость → риск утраты субъектности → антропологический предел.

Эзокортекс является механизмом перехода от локализованной в биологическом мозге когниции к распределённой когниции, при которой память, анализ, прогнозирование и принятие решений частично осуществляются внешними техническими системами. В авторской концепции этот переход представляет собой прото-трансфер сознания и одновременно создаёт риск размывания границы между субъектом и технологической системой. Это одна из наиболее важных семантических связей: «эзокортекс → распределённая когниция → прото-трансфер → антропологический предел».

В нашей системе различие между гуманистической эстафетой и техноэстафетой принципиально: речь идет о двух разных моделях исторической преемственности — о том, что именно человечество передает дальше и что становится субъектом продолжения. Гуманистическая эстафета — это передача от поколения к поколению собственно человеческого содержания: жизнь → память → культура → язык → ценности → смысл → ответственность → опыт. Ее цель — не сохранить неизменную форму человека, а сохранить человеческое при его историческом преобразовании.

Таким образом, следующее поколение не просто получает наследство, а переосмысливает и преобразует его, после чего передает дальше. Поэтому гуманистическая эстафета предполагает одновременно: преемственность + изменение + ответственность. Она непосредственно

связана с нашей теорией эстафетной гуманологии, которая рассматривает передачу человеческого как альтернативу простому технологическому копированию сознания.

Техноэстафета возникает тогда, когда центральным объектом преемственности становятся уже не человеческие смыслы, а данные → алгоритмы → цифровые модели → ИИ → технические системы → новые технические системы. То есть происходит изменение самой природы эстафеты. Вместо «человек → человек», постепенно возникает: «человек → технология → технология». В предельном варианте следующей системе уже не требуется человеческий носитель для продолжения передаваемой структуры.

Гуманистическая эстафета передает технологии человеку как средство сохранения и развития человеческого, то техноэстафета рискует передавать технологическую систему как самостоятельного носителя исторического продолжения. Именно здесь возникает проблема антропологического предела. Важно отметить, что трансфер сознания находится на границе этих двух моделей. Если цифровой двойник создаётся как инструмент для продолжения памяти человека, мы еще находимся в логике гуманистической эстафеты. Если же цифровая копия объявляется самым продолжением личности: человек → цифровая копия → автономная цифровая система → следующая цифровая система, то возникает уже логика техноэстафеты.

Мы ставим вполне логичный вопрос: продолжается ли человек или продолжается созданная им технологическая структура? Понятно, что гуманистическая эстафета: субъект → передача → новый субъект, тогда как техноэстафета — это субъект → создание системы → передача системы → возможное замещение субъекта. Поэтому риск техноэстафеты заключается не просто в «победе машин». Более глубокая проблема — это изменение субъекта исторического процесса. Эту связь важно иметь в виду в семантической графе такой эстафеты: передает смыслы, ценности, память, культуру, ответственность, субъект → человек; цель → сохранение человеческого. Однако, есть и противопоставления техноэстафеты: передает данные; передает алгоритмы; передает цифровые модели; передает технологические структуры; субъект → человек / ИИ / гибридная система; риск → замещение человеческого субъекта.

Итак, гуманистическая эстафета — модель межпоколенческой передачи человеческих смыслов, ценностей, памяти, культуры и ответственности, обеспечивающая преемственность человеческого. Техноэстафета — модель преемственности, в которой всё большую роль приобретает передача технологических, информационных и алгоритмических структур, что потенциально способно привести к замещению человеческого субъекта технической системой.

Таким образом, в нашей системе это не просто два близких термина, а оппозиционная пара концептов: гуманистическая эстафета ↔ техноэстафета и именно через эту пару можно связать эстафетную гуманологию, трансфер сознания, эзокортекс, субъектность и антропологический предел в единый семантический кластер.

В рамках системы диалектический анализ перехода от человека к техновиду следует строить не как описание линейной эволюции, а как выявление противоречия, в котором средство человеческого усиления постепенно превращается в механизм изменения самого человека. В тексте нашей книги это прямо выражено формулой перехода «биовид → техновид» и связывается с нарушением антропологического предела.

1) Исходное состояние: биовид — человек как мера. Наша исходная позиция такова: биологический человек определяется не только анатомией. Его антропологическую форму образуют: телесная уязвимость; смертность; страдание; ответственность; способность к выбору; экзистенциальное усилие. Именно ограничения делают человека осмысленным существом, а не оптимальной системой. Смерть здесь не является просто дефектом, подлежащим устранению, ибо, она участвует в формировании значения жизни. Это и есть исходная теза: Человек есть конечный, уязвимый, ответственный субъект.

2) Антитеза: технология как средство преодоления человеческих ограничений. Следующий момент диалектики начинается с вполне гуманной установки: лечить → помогать →

защищать → расширять возможности человека. Но затем происходит незаметное смещение: лечение → улучшение поддержка → оптимизация → понимание → управление. На наш взгляд, каждый отдельный шаг выглядит рациональным, а потому переход не переживается как катастрофа. Именно здесь возникает антитеза: Человек должен быть освобождён от ограничений, которые традиционно составляли его антропологическую форму.

3) Главное диалектическое противоречие заключается в возникновении парадокса: чем успешнее технология устраняет человеческие ограничения, тем больше она рискует устранить условия, делающие человека человеком. К примеру, устранение уязвимости сопровождается снижением зависимости от других, что ведет к ослаблению основания эмпатии. Устранение смертности означает и изменение отношения к конечности, а это значит изменение структуры ответственности. Устранение неопределённости сопровождается снижением риска выбора, а это ведет к ослаблению свободы.

Кроме того, делегирование мышления ИИ ведет к повышению эффективности, но при этом отмечается снижение самостоятельности субъекта. Мы акцентируем на то, что антропологический предел проходит не по линии интеллекта или вычислительной мощности, а по линии субъективной непрерывности, телесности, смертности, уязвимости и ответственности.

4) Синтез. В результате возникает новая антропологическая конфигурация — техновид. Это уже не просто человек, использующий сложную технику. Это человек, чья форма существования начинает определяться технологической инфраструктурой. Мы характеризуем его как «функционального человека», ибо, он более эффективен, стабилен и управляем, но одновременно теряет трагическое измерение человеческого существования. В итоге получается парадоксальный синтез: человек + технология → не просто улучшенный человек → новая антропологическая форма.

На вопрос о том, почему это не обычная эволюция, мы отвечаем так: причина кроется в том, что изменяется не только набор характеристик организма, а отношение человека к самому себе: человек как субъект → человек как объект технологического проектирования. Тело становится платформой, мозг — интерфейсом, сознание — ресурсом. Поэтому итоговый переход можно выразить следующей формулой: Технологическое превосхождение человека ведет к антропологическому исчезновению человека. Это важнейшая диалектическая инверсия: технология, созданная человеком для усиления человека, становится механизмом преодоления самого человека.

Нужно отметить такую особенность перехода как незаметность. В классической диалектике переход предполагает видимое противоречие. Здесь же мы вводим особый механизм — неосознание. Неосознание происходящего — это особый феномен когнитивного заблуждения личности. Природе этого механизма мы в свое время посвятили целую монографию «Контуры философии неосознания происходящего» (2025). Человек обладает всё большим количеством знаний и вычислительных возможностей, но одновременно теряет способность задавать вопрос: «Что именно исчезает вследствие того, что мы себя улучшаем?». Поэтому переход не требует сознательного согласия субъекта. Он осуществляется через множество локальных рациональных решений. Это и есть «незамечаемая трансформация».

В сжатом виде логику неосознания можно представить так: Биовид — это человек как субъект, стремящийся преодолеть свое онтологическое ограничения. Технологическое же улучшение означает: лечение → улучшение; помощь → оптимизация; мышление → делегация; память → внешнее хранение; выбор → алгоритмическая рекомендация; тело → технологическая платформа. Возникающее антропологическое противоречие: технология усиливает человека, одновременно ослабляя его субъектность. Так возникает антропологический предел: техновид — человек как функциональная система с риском утраты человека как меры самого себя.

Таким образом, переход «человек → техновид» имеет следующую структуру: Теза: человек — конечный и ответственный субъект. Антитеза: технологическое развитие стре-

мится устранить ограничения человека. Противоречие: устранение ограничений одновременно устраняет основания субъектности. Синтез: возникает техновид — функционально усиленная, технологически интегрированная, но потенциально утратившая часть исходной человеческой субъектности форма. Предел: момент, когда технология перестает быть средством человека и становится заместителем субъекта. Именно этот момент автор связывает с онтологической сменой вида — «биовид → техновид».

Диалектическая схема «человек → технологическое улучшение → антропологическое противоречие → предел → техновид» следует воспринимать не просто как перечень связанных концептов, а как диалектическую причинно-следственную цепочку. Антропофилософский анализ трансфера сознания в рамках нашей концепции должен рассматривать трансфер не столько как инженерную процедуру, сколько как проверку пределов самого понятия человека. В книге эта проблема занимает центральное место: от редукции сознания к функции — к цифровому двойнику, эзокортексу и возможной смене антропологического статуса.

1) Исходная антропологическая предпосылка. В традиционном понимании человек — это не просто носитель информации. Человеческая субъектность включает: тело + сознание + память + переживание + волю + смертность + ответственность + экзистенциальную непрерывность. Поэтому главный антропофилософский вопрос трансфера: можно ли перенести сознание, не утратив самого человека? Это принципиально отличается от технического вопроса: «Можно ли скопировать информацию мозга?». Первый вопрос — антропологический, а второй — преимущественно инженерный.

2) Трансфер начинается с редукции сознания. Для того чтобы сознание стало объектом переноса, его необходимо представить как некоторую переносимую структуру. Возникает последовательность: сознание → информация → функции → алгоритм → цифровая модель. На этом этапе происходит философски значимое упрощение: сознание рассматривается прежде всего через то, что оно делает, а не через то, как существует субъект, который переживает это действие. Мы обозначили это как «редукцию сознания к функции». На наш взгляд, именно здесь появляется первое антропологическое противоречие.

3) Функциональная идентичность не равна идентичности личности. Предположим, технологически удалось воспроизвести: память; особенности мышления; речевые характеристики; биографию; эмоциональные реакции; поведенческие паттерны. Таков интервал абстракции в сюжетных линиях романа «Фиаско», «Аватар», «Пересотворить человека». Получается чрезвычайно точная функциональная копия, но возникает вопрос: является ли эта копия тем же самым субъектом? Мы склонны к отрицательному ответу, ибо, можно воспроизвести свойства личности, но из этого не следует сохранение экзистенциального «я». Поэтому, информационная непрерывность ≠ субъектная непрерывность.

4) Проблема телесности. Антропофилософски важнейший момент — тело. Сознание человека существует не в абстрактном информационном пространстве, а в телесности: ощущение → боль → удовольствие → уязвимость → старение → смертность. Тело является не контейнером сознания, а частью способа человеческого существования. Если сознание переносится в цифровой носитель, возникает вопрос: что происходит с телесным основанием личности? Если оно исчезает, то вместе с ним может исчезнуть часть того, что делало существование именно человеческим.

5) Смертность как антропологический фактор. Здесь трансфер сознания пересекается с концепцией смертности. Если сознание можно перенести, то смерть начинает рассматриваться как: естественная граница → техническая неисправность. Но, согласно нашей концепции, смертность следует рассматривать не только как недостаток организма, с которым связана: конечность; ответственность; выбор; ценность времени; межпоколенческая преемственность. Потому, как мы считаем, устранение смертности способно изменить саму структуру человеческой ответственности.

6) Цифровой двойник: проблема «псевдоличности». Следующий антропологический этап — это цифровой двойник. Если созданная система говорит как человек, помнит его прошлое и воспроизводит его решения, то возникает иллюзия: «человек продолжился», то мы внесим предложение различать: копирование личности и продолжение личности. На наш взгляд, цифровой двойник может быть моделью человека, но это еще не доказывает, что он является тем же субъектом. В книге эта проблема непосредственно связана с понятием «псевдоличности».

7) Эзокортекс как промежуточная стадия. Полный трансфер не обязательно происходит одномоментно. В нашей системе более вероятен постепенный сценарий: мозг → нейроинтерфейс → внешняя память → ИИ → распределённая когниция → эзокортекс → частичный трансфер → возможный полный трансфер. Поэтому эзокортекс можно рассматривать как антропологическую промежуточную зону. Человек еще сохраняет биологическое тело, но часть его когнитивных функций уже вынесена наружу.

8) Главная антропофилософская проблема — субъектность. В конечном счёте вопрос трансфера сводится к вопросу: кто продолжает существовать после трансфера? Возможны три принципиально разные интерпретации: во-первых, продолжение человека, когда сознание действительно переносится, а субъект сохраняется; во-вторых, копирование человека, когда возникает новый субъект, обладающий структурой исходной личности; в-третьих, замещение человека, когда исходный субъект прекращает существование, а технология продолжает его информационный образ. Для нашей теории именно вторая и третья возможности являются наиболее проблемными, поскольку они разрывают связь между информационной и экзистенциальной идентичностью.

9) Ответственность. Трансфер создаёт еще одну проблему: кто отвечает за действия цифрового продолжения? Если цифровая копия совершает поступок, ответственность может быть отнесена: к исходному человеку; к цифровой копии; к разработчику; к владельцу системы; к ИИ; к гибридной системе «человек + ИИ». Получается рассеивание ответственности и здесь трансфер сознания непосредственно связан с авторской концепцией антропологического предела.

10) Антропологический предел. Трансфер становится критическим не тогда, когда технология становится технически сложной, а тогда, когда возникает смена субъекта: технология помогает человеку → технология расширяет человека → технология принимает часть решений → технология воспроизводит личность → технология продолжает существование вместо личности. Последняя стадия и является, как нам кажется, наиболее близкой к антропологическому пределу.

Обобщая материал можно сделать следующий антропофилософский вывод: Трансфер сознания — это не перенос информации из одного носителя в другой, а попытка перенести субъектность из одной формы человеческого существования в иную. Отсюда возникает принципиальное различие: перенос данных — техническая проблема; перенос функций — когнитивная проблема; перенос личности — философская проблема; перенос субъекта — антропофилософская проблема — «Продолжается человек или его информационная модель?».

Итак, трансфер сознания является предельным антропологическим экспериментом, значение которого заключается не в том, удастся ли технически воспроизвести мозг, а в том, останется ли после переноса тот же субъект, который существовал до него. Поэтому центральную проблему трансфера можно сформулировать так: Можно ли сохранить информационную структуру человека, не потеряв его экзистенциальную субъектность? Именно этот вопрос, как нам кажется, связывает трансфер сознания → цифрового двойника → эзокортекс → распределённую когницию → смертность → ответственность → антропологический предел → техновид в единую антропофилософскую конструкцию.

Если строго опираться на текст книги, «конец биочеловека» следует понимать не как физическое уничтожение *Homo sapiens*, а как постепенное исчезновение биологического человека в качестве меры, субъекта и носителя специфически человеческого способа существования. В самом тексте это противопоставлено традиционной модели катастрофического конца: здесь речь идет о «конце без разрушения и без трагедии», осуществляющемся через замещение одной онтологической формы другой.

1) Герменевтическая исходная точка: что означает «конец»? Герменевтически ключевым является различие «конца» и «исчезновения». В обычном понимании конец предполагает событие: было → произошло событие → перестало быть. В нашей концепции происходит иначе: было → постепенно изменялось → утратило прежние свойства → стало иным. Поэтому «конец биочеловека» — это онтологический переход, а не календарная дата и не момент физической ликвидации человека. Мы считаем, что современный конец человека реализуется как «замещение» и «мягкое вытеснение одной онтологической формы другой». Биологический человек не уничтожается, а постепенно признаётся устаревшим и подлежащим оптимизации.

2) Герменевтическое ядро: человек как мера. Для понимания концепта необходимо сначала понять, что именно заканчивается. Мы определяем биовид не только через биологию. Человеческое образуют: телесная уязвимость; смертность; страдание; ответственность; способность выбирать; экзистенциальное усилие. Именно ограничения делают человека «осмысленным». Смерть, например, рассматривается не как простой дефект системы, а как условие значения жизни. Следовательно, объект исчезновения — не человеческое тело как таковое, а определённая антропологическая конфигурация.

3) «Конец» как утрата человеческой меры. В наиболее глубоком герменевтическом прочтении: Конец биочеловека = конец человека как меры самого себя. Это означает переход: от «человек определяет технологию» к «технология начинает определять, каким должен быть человек». Речь идет о переходе от человека как субъекта смысла и морали к человеку как вычислительному объекту техносферы. Здесь меняется не только человек — меняется сам принцип его определения.

4) Механизм конца: незамечаемая трансформация. Особенность этого конца заключается в том, что он не воспринимается как конец. Переход начинается с действий, которые сами по себе имеют гуманистическое оправдание: лечение → улучшение → оптимизация → управление. Технология сначала выступает продолжением гуманизма, но постепенно начинает замещать его основание. Мы формулируем это предельно жестко: тело становится платформой, мозг — интерфейсом, сознание — ресурсом. Герменевтически это означает, что смысл изменения скрыт внутри его положительной формы. Человек видит: улучшение здоровья, увеличение возможностей, снижение страдания, но при этом не замечает второго смысла: изменение того, что считается человеческой нормой.

5) Парадокс рациональности. Особенно важен парадокс, лежащий в основании концепта. Человечество не становится менее рациональным. Напротив: больше науки → больше данных → больше вычислительной мощности → больше возможностей управления. Но нужно учесть, что все это одновременно уменьшает способность задать вопрос: «Что именно исчезает вследствие нашего успеха?». На наш взгляд, проблема не в отсутствии информации, а в утрате философического различения. Между тем, это и есть герменевтический парадокс «конца биочеловека»: чем больше человек способен изменить себя, тем меньше он способен осмыслить предел допустимого изменения.

6) От биовида к техновиду. Следующий смысловой уровень — техновид. Мы определяем его через: снижение роли телесности; устранение экзистенциального риска; алгоритмизацию решений; внешнюю коррекцию желаний и мотиваций. Получается «функциональный человек» — эффективный, стабильный, управляемый, но лишённый значительной части трагиче-

ского измерения человеческого существования. Следовательно, конец биочеловека не означает конец разумного существа, а означает конец определённого способа быть человеком.

7) Утрата эстафеты. Герменевтическое значение концепта становится ещё глубже через эстафетную гуманологию. Биовид существует во времени посредством передачи: опыта → знания → памяти → морали → смысла, но техновид начинает заменять эстафету трансфером: передача → переписывание; воспитание → настройка; преемственность → обновление. Отсюда следует важное следствие: общество перестает учиться и начинает просто обновляться. Между тем, это означает, что конец биочеловека имеет не только индивидуальное, но и цивилизационно-временное измерение.

8) Антиэсхатологический смысл. Здесь концепт «конца биочеловека» приобретает эсхатологическое содержание. Если классическая эсхатология: конец → событие → катастрофа → осознание, то наша модель: трансформация → постепенность → отсутствие катастрофы → отсутствие осознания. Отсюда авторская формула: «эсхатология без эсхатона» — конец человека без осознания конца. Это, пожалуй, наиболее точное герменевтическое объяснение названия.

Что именно сохраняется после «конца»? Мы оставляем возможность сохранения человеческого измерения даже при исчезновении человека как биовида. Если биовид трансформируется в техновид, в нём должна сохраниться способность быть «внутренней вселенной», искать смысл и свет среди тени. Отсюда важнейшее различие: конец человека ≠ конец человеческого.

В концентрированном виде наш концепт можно представить следующим образом: Биочеловек — это человек как мера, тогда как технологическое расширение — это улучшение, оптимизация, алгоритмизация, делегирование функций, замещение, утрата человеческой меры. В этом контексте, техновид — это и есть «конец биочеловека». Но конечный смысл не таков: «человек погибнет». Он сложнее: человек может продолжить существовать биологически, но перестать существовать как прежний антропологический субъект.

Конец биочеловека — авторский эсхатологико-антропологический концепт, обозначающий не физическое уничтожение человека, а постепенное исчезновение его биологической и экзистенциальной формы как меры смысла, морали, ответственности и субъектности вследствие незамечаемой технологической трансформации и перехода от биовида к техновиду.

Семантическая цепочка выглядит так: биочеловек → технологизация → незамечаемая трансформация → утрата человеческой меры → антропологический предел → техновид → конец биочеловека. При этом концепт имеет открытый финал: заканчивается не обязательно человеческое как таковое, а именно биочеловеческая форма его существования. Это позволяет связать его с другой фундаментальной формулой авторской системы — «конец человека ≠ конец человеческого».

С позиций философии предела цифровой двойник следует рассматривать не просто как технологическую копию человека, а как пограничный феномен, позволяющий определить момент, когда цифровое воспроизведение личности перестаёт быть расширением человека и начинает претендовать на его замещение.

В нашей теории эта проблема непосредственно связана с трансфером сознания, эзокортексом, субъектностью, смертностью и антропологическим пределом. Вообще, что такое цифровой двойник в данной системе? Цифровой двойник — это информационная модель личности, способная воспроизводить некоторые характеристики человека: память → биографию → речевые особенности → поведенческие паттерны → предпочтения → способы принятия решений. Но принципиальный вопрос философии предела заключается не в степени сходства модели с человеком, а в ином: где проходит граница между воспроизведением человека и его замещением? Именно эта граница превращает цифрового двойника из технического объекта в антропофилософскую проблему. Мы выделили несколько пределов.

Первый предел: информация $\neq$ субъект. Первый принцип философии предела: копирование информации не означает копирования субъекта. На наш взгляд, можно представить ситуацию: Человек А $\rightarrow$ цифровая модель А1. Если А» обладает той же памятью, языком и поведенческими характеристиками, возникает впечатление сохранения личности. Но остаётся вопрос: существует ли в А1 тот же самый субъект переживания? Можно провести различие: информационная идентичность $\neq$ экзистенциальная идентичность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.